

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2014–2015 г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 10 КЛАСС

Часть I. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (30 баллов)

Прочитайте отрывок из рассказа В.В. Набокова «Посещение музея», придумайте и опишите по образцу текста Набокова музей литературных персонажей, в котором будут следующие залы: «Гостиная в семействе Простаковых», «Штаб-изба Пугачёва», «Комната Печорина в Пятигорске».

За описание каждого зала – от 0 до 10 баллов. Оцениваются: соответствие эпохе, связь с текстом произведения, общая связность, стиль, речевая грамотность.

Мы очутились в зале несколько больших размеров. Там, на длинном столе под стеклом, раскрыты были толстые, плохо выпеченные книги с жёлтыми пятнами на грубых листах. Вдоль стен стояли военные куклы в ботфортах с раструбами. <...>

На минуту я заблудился среди громадных мраморных ног и дважды обежал кругом исполинского колена, покамест не увидел опять мосье Годара, который искал меня за белой пятой соседней великанши. Тут какой-то человек в котелке, видно на нее взобравшийся, вдруг с большой вышины упал на каменный пол. Его стал поднимать товарищ, но оба были навеселе, и, махнув на них рукой, мосье Годар полетел в следующую комнату, где сияли восточные ткани, гончие мчались по лазурным коврам, и на тигровой шкуре лежал лук с колчаном.

Но странное дело: от простора и пестроты было только тяжело, мутно, – и потому ли, что всё новые посетители проносились мимо, или потому, что мне хотелось поскорее выбраться из ненужно удлинившегося музея, чтобы в свободной тишине докончить с мосье Годаром деловой разговор, но меня охватила какая-то тревога. Между тем мы перенеслись ещё в одну залу, которая уж совсем была громадная, судя по тому, что в ней помещался целый скелет кита, подобный остову фрегата, а далее открывались ещё и ещё залы, косо лоснились полотна широких картин, полные грозových облаков, среди которых плавали в синих и розовых ризах нежные идола религиозной живописи, и всё это разрешалось внезапным волнением туманных завес, и зажигались люстры, и в освещённых аквариумах рыбы виляли прозрачными шлейфами, а когда мы взбежали по лестнице, то сверху, из галереи, увидели внизу толпу седых людей и зонтиков, осматривающих громадную модель мироздания.

(1938)

Не забудьте перенести Ваши ответы в бланк работы

Часть II (40 баллов)

Выберите ОДИН из предложенных вариантов

Вариант 1. ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА

К 100-летию со времени начала Первой мировой войны

Иван Алексеевич Бунин (1870–1953)

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

I

Утром разговор за гумном с Мишкой.

Приехал с фронта на побывку.

Молодой малый, почти мальчишка, но удивительная русская черта: говорит всегда и обо всём совершенно безнадежно, не верит ни во что решительно.

Я стоял на гумне за садом, он шёл мимо, вел откуда-то с поля свою мышастую кобылу.

Увидав меня, свернул с дороги, подошёл, приостановился:

– Доброго здоровья. Всё гуляете?

– Да нет, не всё. А что?

– Да это всё бабы на деревне. Всё дивятся, что вот вас, небось, на войну не берут. Вы, мол, откупились. Господам, говорят, хорошо: посиживают, говорят, себе дома!

– Не все посиживают. И господ не меньше вашего перебили.

– Да я-то знаю. Я-то там нагляделся. А с них, с дур, что ж спрашивать. Ну, да это все пустое. А вот как наши дела теперь? Как там? Вы каждый день газеты читаете.

Я сказал, что сейчас везде затишье. Но что англичане и французы понемногу бьют.

Он невесело усмехнулся.

– А мы, значит, опять ничего?

– Как ничего?

– Да так. Мы его (немца), видно, никогда не выгоним.

– Бог даст, выгоним.

– Нет. Теперь остался.

– Ну вот и остался!

– Да как же не остался? Чем мы его выгонять будем? У нас и пушек нет, одни шестидюймовые мортиры.

– Откуда ты это взял?

– Агитаторы говорят. Да я и сам знаю.

– Нет, у нас теперь всего много. И пушек и снарядов.

– Нет, одни шестидюймовки. А крепостную артиллерию возить не на чем.

Не забудьте перенести Ваши ответы в бланк работы

– Опять неправда.

– Какой там неправда! По такой дороге разве её сvezёшь на лошадях? Только лошадей подушишь. Станешь её вытаскивать, а она на два аршина в землю ушла, а хобот и совсем в грязи не видать. Нет, это вам не немцы!

– А что ж немцы?

– А то, что немец рельсы проложил – везёт и везёт. А войска наши какие? Легулярные войска, какие были настоящие, царские, все там остались, а это ополченье – какие это войска? Привезут их на позицию, а они все и разбегутся. Подтягивай портки потуже да драло. Все, как один.

– Ну, уж и все!

– Верное слово вам говорю. Да вы то подумайте: чего ему умирать, когда он дома облопался? Теперь у каждой бабы по сто, по двести штук спрятано. Отроду так хорошо не жили. А вы говорите – умирать! Нет уж, куда нам теперь!

Махнул рукой, дёрнул лошадь за повод и пошёл, даже не поклонившись.

Утро светлое, на почерневших, почти голых лозинках, на их сучьях и редкой пожухлой листве - блёстки растаявшего мороза. На мужицких гумнах золотом горят свежие скирды, стаями перелетают сытые голуби, давая чувство счастливой осени, покоя, довольства, – это правда: «облопались». Вдали, у нас, в сизо-туманном утреннем саду, мягко, неизъяснимо-прекрасно краснеют клёны.

II

После ужина пошёл по деревне. Темно, ночь бодрая, холодная.

Пройдя деревню, увидел с косогора огоньки внизу, на водяной мельнице у Петра Архипова. Пошёл туда.

Спустившись, подошёл к открытым воротам мельничного сруба: там внутри всё шумит и дрожит, – мельница работает. Возле жирновов стоит и тускло светит в мучнистом воздухе запылённый мукой фонарь, а сверху сруба, – он без потолка, – и кругом, в углах, – мрачный сумрак. Пахнет тоже мукой, сыровато, хлебно.

Пётр Архипов сидит возле фонаря, похож на Толстого. Большая, побелевшая от муки борода, побелевший полушубок; картуз, совсем белый, надвинут на брови. Глаза острые, серьёзные.

Против него, на обрубке гам, сидит какой-то кудрявый мужик, незнакомый мне. Упёрся локтями в колени, курит и смотрит в землю.

Поздоровавшись, присел и я себе.

– А мы вот о войне говорили, – сказал сквозь шум мельницы Петр Архипов. – Вот он ничему не верит, никакой нашей победы не чаёт.

Мужик поднял голову и ядовито усмехнулся.

– А как ты сам-то, Пётр Архипыч? Тоже не чаешь?

Он холодно взглянул на меня.

– Я? А я не знаю. Пусть их воюют. Воюйте на здоровье.

Это, господа дворяне, ваше дело.

– Это как же так?

Не забудьте перенести Ваши ответы в бланк работы

А так. Нам, мужикам, надо одно: ничего никому не давать, никого к себе с этими поборами и реквизициями не пускать. Чтобы никто к нам не ходил, ничего нашего не брал. Ни немец, ни свой. Да.

Помолчал, потом опять заговорил, ещё возвышая сквозь шум голос:

– Да. А то вон приехал на той неделе какой-то с грибами на плечах – сыновей ему давай, хлеба давай... всего давай! Раз наше дело не выходит – мировая, и шабаш. Миколай Миколаевич Младший, вот это воин. Ух, рассказывают солдаты, что только за человек! Отца родного за правду не пожалеет. Ночью встанет тихонько, чтоб ни один генерал за ним не увязался, и пошёл в обход по окопам. Солдат простых увидит: «Здорово, друзья! Надейтесь на меня, как на каменную гору. Я об вас ночи не сплю!» А господам офицерам, если завидит, что в карты играют, бездельничают, без всякой церемонии шашкой голову долой! Вот это воин.

Сумрачно помолчал, потом встал и подошёл к трясущемуся рукаву, по которому серой струей текла мука. Взяв горсть муки, помял её, понюхал и спросил, почти крикнул:

– Ну, а этот самый человек, где он теперь?

– Какой?

– Сухомлин.

Кудрявый мужик, куривший на пне трубку, со свистом захохотал и махнул рукой.

– Она! – сказал он. – Хватился! Его теперь и след простыл! Его давно покрыли и спрятали!

Пётр Архипов строго посмотрел на него, на его плечи и голову, потом ещё строже на меня:

– Где, по-вашему, такой человек может находиться? И что такому человеку должно быть? Что он для России может быть? Что он для ней сделал? Через кого там теперь миллионы лежат, тухнут?

Обив и вытерев руку о полушубок, он опять сел и опять замолчал. Потом тем же тоном, но уже спокойнее:

– Да. На нас, мужиков, как там глядят? Тычь его куда похуже, а нас, господ, не тронь, – мы высокого звания. А те пускай преют, этих дураков ещё великие тысячи наделают. Сейчас вон опять берут, а зачем? Чтобы последних перебить? Вы, барин, – дерзко и громко спросил он, – вы нам уж откровенно скажите, какая ваша задача: чтобы нас всех перебить, а скотину порезать да в окопах стравить?

– Пётр Архипыч, как тебе не стыдно? Ведь ты человек умный!

– Умный! – сказал он, несколько смутившись, и вдруг опять сдвинул брови и поднял тон:

– Вам хорошо говорить. А у меня вот сын два месяца ни одного письма. Где он теперь, что он теперь? Мёртвое тело? А потом, как перебыют всех, вы что же будете делать? Приедете, конечно, к царю и скажете: «Погляди, государь, где твоя держава теперь? Нету тебе ничего, все чисто, одно гладкое поле!»

(1916)

Не забудьте перенести Ваши ответы в бланк работы

Вариант 2. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Владимир Высоцкий (1938–1980)

ПЕСНЯ ПРО КОЗЛА ОТПУЩЕНИЯ

В заповеднике (вот в каком – забыл)
Жил да был Козёл – роги длинные, –
Хоть с волками жил – не по-волчьи выл –
Блеял песенки, да всё козлиные.

И пощипывал он травку, и нагуливал бока,
Не услышишь от него худого слова, –
Толку было с него, правда, как с козла молока,
Но вреда, однако, тоже – никакого.

Жил на выпасе, возле озерка,
Не вторгаясь в чужие владения,-
Но заметили скромного Козлика
И избрали в козлы отпущения!

Например, Медведь – баламут и плут –
Обхамит кого-нибудь по-медвежьему, –
Враз Козла найдут, приведут и бьют:
По рогам ему и промеж ему...

Не противился он, серенький, насилью со злом,
А сносил побои весело и гордо.
Сам Медведь сказал: «Робяты, я горжусь Козлом –
Героическая личность, козья морда!»

Берегли Козла как наследника, –
Вышло даже в лесу запрещение
С территории заповедника
Отпускать Козла отпущения.

А Козёл себе все скакал козлом,
Но пошалить он стал втихомолочку:
Как-то бороду завязал узлом –
Из кустов назвал Волка сволочью.

Не забудьте перенести Ваши ответы в бланк работы

А когда очередное отпущенье получал –
Всё за то, что волки лишку откусили, –
Он, как будто бы случайно, по-медвежьи зарычал, –
Но внимания тогда не обратили.

Пока хищники меж собой дрались,
В заповеднике крепло мнение,
Что дороже всех медведей и лис –
Дорогой Козёл отпущения!

Услыхал Козёл – да и стал таков:
«Эй, вы, бурые, – кричит, – эй вы, пегие!
Отниму у вас рацион волков
И медвежие привилегии!

Покажу вам «козью морду» настоящую в лесу,
Распишу туда-сюда по трафарету, –
Всех на роги намотаю и по кочкам разнесу,
И ослаблю по всему по белу свету!

Не один из вас будет землю жрать,
Все подохнете без прощенья, –
Отпускать грехи кому – это мне решать:
Это я – Козёл отпущения!

...В заповеднике (вот в каком – забыл)
Правит бал Козёл не по-прежнему:
Он с волками жил – и по-волчьи взвыл, –
И орёт теперь по-медвежьему.

(1973)

Не забудьте перенести Ваши ответы в бланк работы